

Проблема свободы и несвободы в творчестве П.Я.Чаадаева

Проблема определения онтологического статуса свободы в современных условиях представляется наиболее актуальной.

Проблема свободы является одной из сложнейших проблем, волновавших мыслителей различных эпох. Этой теме посвящены многочисленные философские исследования. Но необходимо отметить, что значительно меньшее внимание в философских исследованиях уделялось рассмотрению противоположностей свободы.

Сложность анализа категории «свободы» и ее противоположностей заключается в том, что свобода зачастую переходит в свою противоположность и проявляется в мире либо как необходимость, либо как объективация, либо как произвол.

Сама грань, отделяющая свободу от ее противоположностей, настолько непостоянна, трудно различима, что зачастую приводит к смешиванию и соединению категории свободы и ее противоположностей. Например, в знаменитом определении, берущем начало в концепции Спинозы — свобода есть познанная необходимость, по существу, происходит отождествление свободы и необходимости.

Исходя из этого, для понимания онтологической сущности свободы важно введение категории, которая бы включала в себя все противоположности свободы. Такой категорией может являться категория несвободы.

Категория несвободы довольно редко встречается в философии. Так Г.Д.Левин определяет категорию «несвобода» как «путь к несчастью по воле другого человека» (*Левин Г.Д. Свобода и покинутасть. Методологический анализ // Вопр. философии. 1997. № 1. С. 57*).

Одним из первых проблему свободы и несвободы применительно к российскому обществу поставил П.Я.Чаадаев.

Сущность свободы, по мнению П.Я.Чаадаева, можно понять, проследив историю развития христианства. Мыслитель выделяет в христианстве две стороны. Первая — действие христианства на личность, вторая — действие христианства на мировой разум. Философ различает божественное действие, проявляющееся в данное время в жизни человека, от того действия, которое проявляется в бесконечности. «В день окончательного завершения дела искупления все сердца и все умы составят одно чувство и одну мысль, и падут все стены, разделяющие народы и вероисповедания. Но в настоящее время каждому важно знать свое место в общем строе призвания христиан, т.е. знать, каковы те средства, которые он находит в себе и вокруг себя, для того, чтобы сотрудничать в достижении цели, стоящей перед всем человеческим обществом в целом» (*Чаадаев П.Я. Соч. М., 1989. С. 28*).

Мыслитель считает, что подлинная сущность христианства заключается именно в идее слияния всех нравственных сил в мире в одну мысль, в одно чувство, а также во все большем установлении социальной системы или церкви, которая должна установить царство правды среди людей.

Однако философ считает, что действие христианства не ограничивается его влиянием на душу людей. Чаадаев убежден, что «огромное действие, которое оно призвано вызвать, должно состоять из множества сочетаний, нравственных, умственных и социальных, где полная свобода человеческого духа должна непременно найти всяческий простор» (Там же, с. 31).

Таким образом можно заключить, что Чаадаев видит в христианстве почву для реализации свободы, так как христианство обладает абсолютной всеобщностью. Абсолютная всеобщность христианства в понимании Чаадаева это такое качество религии, которое даст возможность христианству не только господствовать над умами, вносить в сознание новые истины, побуждать людей к переживанию новых чувств, но и определяет действие индивидуальности и тем самым направляет человека к его назначению, не посягая на его свободу.

Рассматривая сущность духовной деятельности, мыслитель отмечает, что значительная часть поступков, мыслей людей определяется чем-то, что людям отнюдь не принадлежит. Философ приходит к выводу о том, что все действия, совершаемые людьми на протяжении жизни, представляют собой реализацию

инстинкта самосохранения. «Как бы ни было пламенно наше стремление действовать для общего блага, это воображаемое нами отвлеченное благо есть лишь то, чего мы желаем для самих себя, а устранить себя вполне нам никогда не удастся: в желаемое нами для других мы всегда подставляем нечто свое» (Там же, с. 43).

Именно инстинкт самосохранения как раз и определяет, по Чаадаеву, сущность всеобщего закона, который «предписал нам только одно: поступать с другими так, как мы желаем, чтобы поступали с нами» (Там же). Из этого тезиса логически вытекает вопрос: что такое абсолютное благо? Согласно концепции Чаадаева абсолютное благо — это незыблемый закон, по которому все стремится к своему предназначению. Следовательно, люди действуют согласно всеобщему закону, иначе основа бытия человека была бы заключена в нем самом, что, с точки зрения Чаадаева, было бы неполным. Поэтому Чаадаев считает, что для человека недоступно вывести положительный закон духовного бытия. А это и доказывает необходимость и неизбежность Откровения.

По мнению философа, человек может познавать окружающий мир природы с помощью чувственного познания, опыта, наблюдения, сопоставления, аналогии и т.д. Но эти формы познания неприемлемы, когда человек пытается познать духовный мир. Пытаясь рассмотреть структуру познания духовной реальности, Чаадаев сталкивается с противоречиями, пытаясь преодолеть которые субъект попадает в замкнутый круг.

Начинает рассуждение мыслитель с вопроса: что именно придется наблюдать человеку для раскрытия закона духовного порядка? Если ответ будет заключаться в том, что наблюдать нужно природу разума, тогда очевидным является тот факт, что природа разума отличается от материальной природы. Если материальная природа несвободна, тогда выходит, что свободен разум. Если разум свободен, то, следовательно, он следует законам, которые сам себе устанавливает. Таким образом, можно считать доказанной свободу разума. Но если свободен разум человека, почему не свободен сам человек? Это противоречие, по мнению Чаадаева, замыкает круг рассуждений и возвращает познающего к началу размышления.

И если даже предположить, что действительно существуют несколько общих законов, которым человек должен подчиняться, то эти законы, по мнению Чаадаева, будут относиться лишь к земной жизни человека. Они не могут быть всеобщими за

конами, истинными законами духовного существа, так как касаются лишь части его существования. И если человек сможет постигнуть эти законы на основе опыта, они могут быть только законами одного периода времени. В таком случае эти законы нельзя считать всеобщими, а тем более законами духовной жизни вообще.

Исходя из этого, П.Я.Чаадаев делает вывод о том, что жизнь духовного существа объединяет два мира: материальный и духовный. И только материальный мир познаваем. Поэтому человек не может самостоятельно познать закон, объединяющий оба эти мира. Мыслитель считает, что этот закон должен быть преподан человеку таким разумом, для которого существует один мир и единый «порядок вещей».

Именно христианство, по мнению Чаадаева, должно открыть человеку этот высший закон. «Для христианства все движение человеческого духа не что иное, как отражение непрерывного действия Бога на мир. Изучение последствий этого движения дает ему в руки лишь новые доводы в подтверждение его верований... Он следит за учениями, в которые постоянно выливалась земная мысль, и находит там более или менее заметные следы первоначальных наставлений, преподанных человеку самим Создателем в тот день, когда Он его творил своими руками; он размышляет об истории человеческого духа и находит в ней сверхприродные озарения, не переставшие просвещать без его ведома человеческий разум, пронизывая весь тот туман, весь тот мрак, которым этот разум так охотно себя облекает. Всюду примечает он эти всеильные и неизгладимые идеи, нисшедшие с неба на землю, без которых человечество давно бы запуталось в своей свободе» (Там же, с. 46-47).

Таким образом, согласно концепции Чаадаева основным законом духовного мира является сочетание следующих факторов: 1) первоначальных идей, вложенных Богом в душу людей;

- 2) воздействие человеческого разума на эти идеи;
- 3) сохранение этих идей человечеством;
- 4) передача их от поколения к поколению на протяжении веков.

Философ устанавливает тот факт, что разум человека имеет подчиненное значение в познании. Если предположить, что разум человека находится в подчиненном положении по отношению к Божественным идеям, тогда идеи добра, долга, закона, добродетели рождаются только вследствие ощущаемой человеком потребности подчиниться некоторой внешней силе. «Вся наша активность есть лишь проявление силы, заставляющей нас

стать в порядок общий, в порядок зависимости. Соглашаемся ли мы с этой силой или противимся ей — все равно, мы вечно под ее властью. Поэтому нам только и надо стараться отдать себе возможно верный отчет в ее действии на нас и, раз мы что-либо об этом узнали, предаться ей со спокойной верой. Эта сила, без нашего ведома действующая на нас, никогда не ошибается. Она-то и ведет вселенную к ее предназначению» (Там же, с. 51).

Отсюда видно, что один из главных вопросов, волновавших Чаадаева, заключался в следующем: «Как открыть действие Верховной силы на человеческую природу?» Если начать рассуждение с предположения, что первооснова духовного мира вполне соответствует первооснове мира физического, то эта первооснова, следовательно, по отношению к физическому миру воспринимается как непреодолимая сила, которой все неизбежно подчиняется. А по отношению к духовному миру эта сила воспринимается как сила, действующая в сочетании с собственной силой человека. Поэтому человек признает главенство подчиненности над свободой, а также зависимость устанавливаемого человеком для себя закона от общемирового закона.

Таким образом, согласно концепции Чаадаева человек, принимая свободу как данную реальность, признает зависимость подлинной реальностью. Исходя из этого возникает вопрос: в чем заключается эта зависимость, подчиненность в духовной жизни?

С одной стороны, если рассматривать познание в области физики, натурфилософии, то, по мнению Чаадаева, люди достигли в этой области больших успехов потому, что разум был поставлен в подчиненное положение по отношению к природе — «она сковывает разум, она подводит его под всемирное ярмо повиновения и делает его столь же слепым и подвластным, как та самая природа, которую он исследует» (Там же, с. 52).

С другой стороны, Чаадаев указывает и на то, что открытия совершались и с помощью интуиции, существование которой говорит о том, что «человеческий разум не достигает самых положительных своих знаний чисто внутреннею своею силой, а направляется непременно извне» (Там же, с. 53). Следовательно, настоящей основой умственной деятельности является логическое самоотречение, которое в концепции Чаадаева равноценно нравственному самоотречению.

Мыслитель отмечает также, что познание природы осуществляется не только через опыт и наблюдение, а также и через рассуждение: «Всякое природное явление есть силлогизм с боль

шей и меньшей посылками и выводом» (Там же, с. 53). Из этого следует, что и в познании природы ум познающего только следует закону, который перед ним раскрывается в процессе познания. Этот закон, по Чаадаеву, заключается в стремлении человечества к благу. «Как могло бы человечество в целом шествовать вперед в своем беспредельном прогрессе, если бы в сердце человека не было одного мирового понятия о благе, общего всем временам и всем странам и, следовательно, не человеком созданного?» — ставит вопрос Чаадаев (Там же, с. 54). Ответом на этот вопрос становится вывод о том, что в основе всякого нравственного действия всегда лежит чувство долга, а тем самым — подчинения.

Таким образом, можно заключить, что любое нравственное действие представляет собой полную подчиненность человека моральному закону.

На основе этого вывода возникает следующий вопрос: что бы вышло, если бы человек мог довести свою подчиненность до совершенного лишения себя своей свободы? Согласно концепции Чаадаева это было бы высшей степенью человеческого совершенства: «...всякое движение души его вызывалось бы тем самым началом, которое производит все другие движения в мире. Тогда исчез бы теперешний его отрыв от природы, и он бы слился с нею» (Там же, с. 55). То есть полное лишение человека внешней свободы, его подчиненность моральному закону, долгу практически становится в концепции мыслителя синонимом совершенства.

Но в объективном мире человек несовершенен. По мнению Чаадаева, именно ощущение человеком своей собственной воли выделяет его из окружающего мира и, тем самым, человек становится обособленным существом. Согласно концепции мыслителя обособление человека является следствием насильственного отчуждения человека от всеобщей природы. В этой связи Чаадаев считает, что «если бы человек отрешился от своего нынешнего пагубного я, то разве не нашел бы вновь и идею, и всеобъемлющую личность, и всю мощь чистого разума в его изначальной связи с остальным миром? И разве тогда все еще стал бы он ощущать себя живущим этой узкой и жалкой жизнью, которая его побуждает относить все к себе и глядеть на мир только через призму своего искусственного разума? Конечно, нет, он снова начал бы жить жизнью, которую даровал ему сам Господь Бог в тот день, когда извлек его из небытия» (Там же, с. 55).

По мнению философа, задачей человечества как раз и является вновь обретение этой исконной жизни, то есть обретение внутренней свободы путем отказа от внешней свободы. Таким образом, внутренняя свобода в понимании мыслителя — это свобода познания бытия, возвращение к первоначальному откровению: «...утраченное и столь прекрасное существование может быть нами вновь обретено. Это всецело зависит от нас и не требует выхода из мира, который нас окружает» (Там же, с. 56).

Философ считает, что на пути обретения внутренней свободы, на пути полного слияния с Откровением, существуют два препятствия: время и пространство. Феномен времени связывается Чаадаевым с памятью. А память, в понимании мыслителя — это действие воли, так как «мы помним не более того, что желаем вспомнить, иначе весь ряд событий, сменявшихся на протяжении моей жизни, оставался бы постоянно в моей памяти, а между тем, наоборот, даже в то время, когда я даю полную свободу своим мыслям, я воспринимаю лишь воспоминания, связанные с данными состояниями души, с волнующим меня чувством, с занимающей меня мыслью» (Там же, с. 56).

Рассматривая феномен времени, Чаадаев приходит к выводу о том, что в беспредельности, которая является естественной оболочкой мысли, как раз и заключается истинное время.

Феномен пространства мыслится Чаадаевым как чистая форма, в которой людям представляется внешний мир. Феномен пространства вне мысли, у него нет ничего общего с сущностью духа, мысль только логически принимает условия пространства. Следовательно, согласно концепции мыслителя пространство еще менее чем время может закрыть путь к новому бытию.

Новое бытие, высшую жизнь философ мыслит как жизнь совершенства, достоверности, ясности, беспредельного познания, но прежде всего как жизнь совершенной подчиненности. Чаадаев убежден, что предельной точкой прогресса человечества может быть полное слияние человеческой природы с природой всего мира. Это является согласно концепции философа подлинным выражением Высшего Разума: «Моему существованию нет более предела; нет преград видению безграничного; мой взор погружается в вечность; зеленый горизонт исчез; небесный свод не упирается в землю на краях безграничной равнины, стелющейся перед моими глазами; я вижу себя в беспредельном пребывании, не разделенном на дни, на часы, на мимолетные

мгновения, но в пребывании вечно едином, без движения и без перемен, где все отдельные существа исчезли друг в друга, словом, где все пребывает вечно» (Там же, с. 56).

Чтобы достигнуть такого состояния, человеку согласно концепции Чаадаева требуется иметь душу, раскрытую для познания. Но мыслитель отмечает, что человек создает себе свой собственный закон — нравственный закон. И этому закону, который сам человек может в любой момент разрушить и постоянно разрушает, человек приписывает «все положительное, все безусловное, все непреложное, присущее настоящему закону его бытия. А между тем при помощи одного только своего разума, он, очевидно, мог бы постигнуть относительно этого сокровенного начала одну лишь его неизбежную необходимость, ничего более» (Там же, с. 59).

Чаадаев указывает на различие нравственного закона и закона физического. По мнению мыслителя, различие между этими двумя законами заключается в том, что многие люди могут и не знать на протяжении своей жизни о движущих силах природы. Но человек всегда имеет представление о началах, побуждающих его действовать, т.е. имеет понятие о добре и зле. Философ считает, что без понятия о добре и зле человек не был бы разумным существом.

Исходя из этого, Чаадаев говорит о том, что познание в области физического мира приводит к тому, что абсолютная форма познанного предмета должна быть непременно формой чего-то конечного, и место этого предмета в познавательной деятельности должно находиться вне субъекта познания. Именно в этом положении, по Чаадаеву, заключаются условия достоверности.

Но когда речь идет о духовной области познания, то здесь нельзя определить предел, например, моральному действию. В духовной области само действие совершается внутри субъекта познания. Как же достигнуть очевидности в духовной области? По мнению Чаадаева, на этот вопрос пока ответ никто не дал.

Философ считает, что в духовной области все действия совершаются «в силу свободных актов воли, не связанных между собою, не подчиненных другому закону, кроме своей прихоти; одним словом, все сводится здесь к действию хотения и свободы человека» (Там же, с. 65).

Таким образом, в духовной области, по Чаадаеву, действуют две силы: «Одна из них, сознаваемая человеком — свободная воля, наше хотение; другая — действие на наше существо некое»

ей вне нас лежащей силы» (Там же, с. 66). Здесь мыслитель имеет в виду как раз божественную силу, силу откровения. Согласно концепции Чаадаева у человека есть внутреннее ощущение реальности высшей по сравнению с окружающим его видимой реальностью. По мнению философа, эта высшая реальность и есть реальность объективная, которая «растворяет нас самих во всеобщем единстве» (Там же, с. 67). Мыслитель считает, что в этом «всеобщем единстве стираются все различия, все пределы, которые устанавливает разум в силу своего несовершенства и ограниченности своей природы: и тогда-то во всем бесконечном множестве вещей остается одно только действие, единственное и мировое» (Там же, с. 67).

Но человек постоянно сомневается в существовании присущей ему самостоятельной силы. Чаадаев призывает принять собственные действия человека за побочную причину, за силу, которая действует лишь поскольку она соединяется с другой высшей силой. Причем, по Чаадаеву, собственное воздействие человека исходит действительно от него лишь в том случае, когда оно соответствует закону. Когда человек отстает от этого закона, его действия определяются не им самим, а исключительно тем, что его окружает. Поэтому человек несвободен тогда, когда его действия не подчиняются закону, когда он подчиняется чуждым влияниям.

С другой стороны, как считает Чаадаев, покоряясь божественной силе, человек никогда не имеет полного сознания этой силы, поэтому божественная сила, по Чаадаеву, никогда не может попирает свободу человека. Следовательно, свобода человека заключается в том, что он не ощущает своей зависимости.

Таким образом, свобода мыслится Чаадаевым как некое первоначальное состояние человека в момент сотворения его Богом: «...он так восхотел. Сотворим человека по нашему образу и подобию, сказал Он. Этот образ божий, его подобие — это наша свобода» (Там же, с. 71). Но по мере развития мира возникла другая ужасная идея — злоупотребление свободой и зло как его последствие. «Мы то и дело вовлекаемся в произвольные действия, и всякий раз мы потрясаем все мироздание. И эти ужасные опустошения в недрах творения мы производим не только внешними действиями, но каждым душевным движением. Каждой из сокровенных наших мыслей» (Там же, с. 71).

Чаадаев замечает, что истинную природу человека составляет то, что из всех существ он один способен просвещаться беспредельно. В этом, по мнению философа, заключается его превосходство над всеми созданиями. Для того, чтобы человек смог возвыситься до свойств разумного существа, необходимо, как считает мыслитель, чтобы «чело его озарилось лучом высшего разума» (Там же, с. 81). Но в дальнейшем, по мнению Чаадаева, человек утратил способность воспринимать голос Бога. Это было следствием дара полученной им неограниченной свободы. Но несмотря на это, мыслитель убежден, что Бог продолжает постоянно обращаться к человеку «через посредство ему подобных» (Там же, с. 81).

Чаадаев убежден, что «великий закон постоянного и прямого воздействия высшего начала повторяется в общей жизни человека, как он осуществляется во всем творении. Там — это сила, заключающаяся в количестве, здесь — это принцип, заключающийся в традиции; но в обоих случаях повторяется одно и то же: внешнее воздействие на существо, каково бы оно ни было, воздействие сначала мгновенное, а затем — длительное и непрерывное» (Там же, с. 81).

Исходя из этого, можно предположить, что если в объективной действительности человеческий разум на самом деле лишь постоянное воспроизведение мысли Бога, то разум человека во времени или разум субъективный есть разум, который человек сам себе создал благодаря свободной воле. Тем не менее ум человеческий, замечает мыслитель, всегда ощущал потребность себя перестроить по идеальному образцу. Философ считает, что именно «идеи, возникающие посредством взаимного соприкосновения душ и в силу таинственного начала, которое увековечивает в созданном сознании действие Сознания Верховного, поддерживает жизнь природы духовной таким же порядком, как сходное соприкосновение и аналогичное начало поддерживают жизнь природы материальной. Так продолжается во всем первичное воздействие, так оно выливается окончательно в некое провидение, постоянное и непосредственное, простирающее свое действие на всю совокупность существа» (Там же, с. 86).

Таким образом, Чаадаев признает постоянное действие в истории «совершенно мудрого разума» на разум человеческий. Философ признает в этой связи, что первые идеи, первые познания внушались людям «Верховным Разумом». Следовательно

но, заключает мыслитель, в развитии человеческого разума создавшая его сила должна и далее оказывать на него то же действие, как и при сообщении ему «первого движения».

Рассматривая способ постоянного воздействия Божественного Разума в духовном мире, Чаадаев указывает на то, что кроме соответствия этого воздействия первоначальному действию, осуществляться это воздействие должно таким образом, чтобы человеческий разум оставался совершенно свободным и мог развить свою деятельность.

В этой связи мыслитель указывает и на то, что личность и свобода существуют постольку, поскольку есть различия в умах, нравственных силах и познаниях.

На основе изложенного возникает вопрос: сможет ли когда-либо человек на место личного, обособленного сознания, которым обладает личность, приобрести такое общее сознание, которое заставляло бы его постоянно чувствовать себя частью «великого нравственного целого? По мнению Чаадаева, на этот вопрос можно ответить положительно, так как наряду с «чувством отдельной личности мы носим в сердце чувство связи с родиной, с семьей, с идейной средой, членами которой мы являемся... зародыш высшего сознания, несомненно в нас пребывает, он составляет даже самую сущность нашей природы» (Там же. с. 115).

Философ считает, что «теперешнее Я» не вложено в человека каким-то непреложным законом, что люди сами внесли его в свою душу, а все назначение человека состоит в разрушении его отдельного существа и в замене его существом совершенно социальным и безличным (Там же, с. 115).

Но если все-таки признать в человеке свободную волю, то возникают следующие вопросы: должна ли она иметь сходство или тождество с верховной волей?; имеет ли воля человека такую же силу свободы, как и верховная воля?; «сколько эта свободная человеческая воля может получить силы, если встретится с волею Вышнего, сольется с нею, исчезнет в ней?» (Там же, с. 155-156).

Пытаясь найти ответы на эти вопросы, Чаадаев переосмысливает божественную историю: «Ясно, что Бог, предоставив человеку свободу воли, отказался от части своего владычества в мире и представил место этому новому началу в мировом порядке; вот почему можно и должно ежечасно звать к Нему о пришествии Царства Его на земле, т.е. о том, чтобы Он благоволил восстановить порядок вещей, господствовавший в мире, пока злоупотребление человеческой свободой еще не ввело в него зло» (Там же, с. 174).

Таким образом, философ доказывает существование двух законов: закона мира физического и закона мира нравственного. Закон физического мира, по Чаадаеву, имеет целью сохранение жизни физических существ природы, являющейся их совокупностью. Закон нравственного мира имеет целью сохранение жизни разумных существ и общества в целом.

В этой связи мыслитель приходит к выводу о том, что на самом деле эти два закона составляют единый закон, который действует совершенно тождественно в той и в другой области.

Этот универсальный закон Чаадаев называет законом жизни или законом бытия: «Он не подлежит ни развитию, ни выработке. Развивается, вырабатывается жизнь, бытие, — закон остается неизменным. Человек может, конечно, в силу своей разумной и свободной природы не постигать законов этой природы, или знать их в той или другой степени совершенно, или же, зная закон, не подчиняться ему. Но тем не менее закон пребывает всегда неизменным, и так же неизменно действие его на человека» (Там же, с. 194-195).

Таким образом, мы видим, что согласно концепции Чаадаева божественная мудрость не пыталась затормозить движение истории, она не могла и не пыталась упразднить свободу в духовной области. Именно божественная мудрость «вложила в сердце человека задатки всех тех благ, которыми человеку дозволено пользоваться, и затем предоставила действовать человечеству» (Там же, с. 215).